

Сергей Иванович Бортников
Путь командарма (сборник)
Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654290

Путь командарма : роман, повесть / Бортников, С.И. – М.: Вече, 2013. – 978-5-905820-14-4: Вече;

Москва; 2013

ISBN 978-5-905820-14-4, 978-5-4444-7621-5

Аннотация

Страшное лето 1941-го... Отчаянно отбиваясь от натиска гитлеровских полчищ, отходит на восток героическая 5-я армия РККА. Первые ответные удары по агрессору, опять отступление и наконец – последнее сражение, в котором погиб почти весь командный состав армии и Юго-Западного фронта. Тяжело раненный генерал Потапов попадает в плен. Сам Гитлер предлагал ему возглавить РОА...

О негибаемой силе духа генерала РККА, после боев на Халкин-Голе получившего прозвище «Гений внезапного удара», рассказывается в новом романе Сергея Бортникова – писателя-историка, долгие годы живущего в Луцке, где накануне Великой Отечественной войны располагался штаб 5-й армии.

В повести «В Украине снова туман...» рассказывается о нелегком испытании, выпавшем на долю участника войны в Чечне майора Дмитрия Нестеренко.

Эта книга – прекрасный подарок не только для ветеранов Великой Отечественной, но и для всех, кого интересует героическая история нашего Отечества.

Содержание

Путь командарма	5
Непредвиденная встреча	5
Придя в себя...	7
Знакомство с Жуковым	9
Допрос	11
Земляки	13
Тимофей Егорович	15
На Халхин-Голе	17
Попытка вербовки	19
Гений внезапного удара	20
Что наша жизнь?	23
«Золотой» сентябрь	25
Кони вороные	29
Зона	31
Очередное повышение	33
За пределами «колючки»	35
Первая встреча[27]	36
В учении...	38
Наставления на будущее	39
Игры патриотов	41
Предсказание цыганки	43
Исповедь ученого	44
Война – так война!	45
Мысли о Боге	47
Последнее предупреждение	50
Разлука	51
Накануне	52
Ниже уровня моря	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Бортников

Путь командарма

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательский дом «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Путь командарма

Непредвиденная встреча

**Россия, Юхновский уезд Калужской губернии.
Лето 1917 года**

Небольшое озеро, напоминающее по форме обычное блюдо (из такого он любил по несколько раз на дню хлебать горячий напиток, приготовленный заботливой бабулей из диковинных луговых трав и листьев различных ягод: черники, земляки), таилось в глубине труднопроходимой лесной чащи.

Поутру от него исходил густой молочный пар – такой, что разглядеть на водной глади поплавок казалось трудноразрешимой задачей. Особенно при дальнем забросе. Но Миша в свои четырнадцать слыл опытным рыболовом и давно научился различать поклевку не по ведению гусяного пера и даже не по натяжению лески, влекущему за собой резкое подергивание самолично выструганного из лещины удилища, а интуитивно. Хотя особая сноровка для поимки рыбы в здешнем водоеме и не требовалась. Как, впрочем, и поплавок. Про себя досчитал до двадцати – и можешь подсекать. На крючке непременно будет болтаться серебристая плотвица, полосатый окуnek или золотистый карась.

А однажды и вовсе клюнул сазан. Дикий, стало быть, карп. Да так, что чуть не утянул за собой подростка, не желавшего выпускать из рук удилище, с деревянного помоста... Жаль, ушел, чертяка... Полпуда был – никак не менее!

В тот день он закончил ловлю чуть позже обычного и, мысленно готовясь к очередному разносу строгих родителей, с малых лет приобщавших его и брата с сестрой к изнурительной работе на земле, чтобы сократить время, пошел домой не блуждающей по лесу знакомой протоптанной тропинкой, а напрямик – через болотистые плавни. Сразу за ними начиналась березовая аллея, ведущая к околице родного села.

Там-то и случилась непредвиденная встреча.

– Стой! – раздался слева чей-то голос.

Миша повернул голову.

Из лесной гущи появился высокий худощавый юноша – известный на всю округу хулиган и забияка, родом из соседней деревни, волокущий за собой белокурую, постоянно улыбающуюся, девочку. С виду они казались его ровесниками, ну, может быть, парень был на год-два старше.

– Чьих будешь?

– Отца с матерью...

– Фамилия у них есть?

– А как же... Потаповы мы!

– Куда идешь?

– Домой. В Мочалово.

– Откуда?

– Не видишь разве? – Михайло кивнул на удочку. – С озера!

– Тогда похвастай уловом! – Чужак, не дожидаясь разрешения, запустил руку в клепаное ведро, в котором трепыхался добрый десяток карасей, и, выбрав самого жирного из них, протянул своей пассии.

Та завизжала от удовольствия и захлопала в ладоши.

– Славная ушница ждет нас сегодня! – пропищала она тонким голосочком.

Ее спутник тем временем перешел от слов к делу и, ухватившись крепкой рукой за дужку, попытался вырвать ведро из рук удачливого рыболова.

Да не тут-то было!

Потапов бросил наземь палку с намотанной на нее жилкой и принял воинственную позу.

– Не трожь! А то худо будет!

– Ой-ей-ей! Тоже мне – герой нашелся... Дай сюда рыбу! – угрожающе прошипел незнакомец. Но затеять драку не решился. В глазах подростка светилась такая отвага и непобедимая внутренняя сила, что наглец просто растерялся и не знал, как вести себя дальше.

А Миша поднял удилице и спокойно пошел домой протоптанной тропинкой...

Придя в себя...

Украинская ССР, Винницкая область.

Лагерь советских военнопленных высокого ранга «Проминент».

Ноябрь 1941 года

Командарм с трудом приподнял над нарами непослушное туловище и обвел взглядом отдельное помещение, в котором он находился уже несколько дней. Голова гудела немилосердно... Ныли посеченные осколками ноги. Но мозг работал. Уверенно и четко! Даже несмотря на контузию.

«Черт, как могло получиться, что я остался жив? Ведь шел же, сознательно шел на верную гибель. Без малейших, казалось бы, шансов на спасение...»

Последнее, что он помнил: окружение, озверелые фашисты, в упор палящие из автоматов по красноармейцам, которых он повел в рукопашную. На последний и решительный бой. Потом – свист, за ним – взрыв артиллерийского снаряда. Мощный, оглушительный... После чего – провал, потеря памяти...

Первый раз он пришел в себя в штабной землянке «Быстроходного Гейнца» – командира танковой группы вермахта по фамилии Гудериан, после успешной операции во Франции ставшего генерал-полковником.

Гейнц-Вильгельм угостил «коллегу» коньяком, ароматной американской сигарой и задал, на правах победителя, всего два вопроса.

Первый:

– Когда вы заметили у себя в тылу приближение моих танков?

– Восьмого сентября, – честно признался пленник.

Второй:

– Почему после этого не оставили Киев?

– Мы получили приказ отойти на восток и уже были готовы выполнить его, но затем последовало другое распоряжение, отменявшее предыдущее и требовавшее оборонять Киев до конца. Как шутили тогда (да и сейчас шутят!) в наших войсках: «Не спеши выполнять приказание, ибо оно может быть отменено...»

С тех пор прошло несколько месяцев, в течение которых его здоровье усердно старались поправить опытные немецкие врачи. Зачем? Зачем?

– Цу штэллен зих!

По-русски это означало «Встать!»

Генерал неплохо понимал язык, на котором была отдана команда, но не соизволил даже пошелохнуться.

Кто может приказывать ему – советскому полководцу? Разве что нарком обороны или Верховный главнокомандующий!

Ни того, ни другого сейчас рядом нет.

А те двое, что сейчас склонились над ним, – представители иной, вражеской армии. Их надо уничтожить, а не повиноваться!

– Цу штэллен зих! – повторил длинный, рано начавший седесть капитан, к которому пленник успел мысленно прилепить прозвище Шпала.

– Я немецкий не учу, потому что не хочу. И зачем в Стране советской изучать язык немецкий? – насмешливо процитировал вслух довоенную детскую песенку пленный русский командарм.

– Цу штэллен зих!

– Успокойтесь, Эгон. Я буду разговаривать с господином Потаповым на его родном языке, – улыбнулся спутник Шпалы – уже немолодой офицер с крючковатым носом. – Разрешите представиться, барон фон Ренне, полковник Генштаба.

– Слышал, – улыбнулся Потапов, всегда лояльно относившийся к представителям одной с ним профессии, какую бы армию они ни представляли. Военные – не каратели, не гестаповцы и не энкаведэшники, которых можно без раздумий посылать на три веселых буквы, а то и дальше.

– Вот и славно. Как чувствуете себя?

– Прекрасно. Германские эскулапы – выше всяких похвал. Они сделали все возможное и невозможное, чтобы поставить меня на ноги.

– Сам фюрер выделил вас из списка и дал соответствующие указания.

– Данке шен.

– О, вы разговариваете по-немецки?

– Чуть-чуть. Не так свободно, как вы по-русски.

– Просто мои предки жили в Курляндии, – скромно потупил взор полковник.

– Понимаю, господин...

– Зовите меня просто – Алексис. Или, если угодно, Алексей...

– Спасибо. Миша, – издевательски протянул руку Потапов. С чувством юмора у него всегда было неплохо.

– Выпить желаете-с?

– Не откажусь.

Фон Ренне открутил колпачок с модной английской фляги и плеснул в него немного бурой жидкости, вид которой поначалу немного смутил бравого советского генерала.

– Это кальвадос. Настоящий. Из Нормандии, – поспешно заверил полковник. – Ну, за победу?

– За нашу победу, – уточнил Потапов.

Знакомство с Жуковым

Белорусская ССР.

Начало мая 1937 года

Командир 4-й Донской казачьей дивизии Георгий Константинович Жуков в своем кабинете ожидал прибытия молодого, но уже достаточно опытного командира, недавно успешно закончившего Военную академию механизации и моторизации РККА.

Тот прибыл в часть точно в назначенное время, чем заслужил мысленную похвалу генерала, более остальных качеств ценившего в подчиненных пунктуальность.

– Разрешите?

– Да-да, пожалуйста.

– Майор Потапов для дальнейшего прохождения службы прибыл!

– Здравствуйте, Михаил Иванович.

– Здравия желаю!

– Поздравляю вас с назначением в нашу кавалерийскую дивизию и с прибытием в героический город Слуцк, – Георгий Константинович поднялся со своего места и протянул гостю крепкую мозолистую ладонь. – Присядьте, пожалуйста.

– Спасибо. Я постою.

– Оказывается, Михаил Иванович, мы с вами земляки?!

– Так точно! Калужане. Только я из Юхновского района, а вы...

– А я из Малоярославецкого.

В это время в кабинете зазвонил телефон.

Комдив прижал трубку к уху и, не совсем вежливо повернувшись спиной к майору, начал отдавать кому-то короткие, отрывистые распоряжения.

Улучив момент, Потапов перегнулся через стол и заглянул внутрь выдвинутого ящика. Среди прочих документов там лежало его личное дело.

Что в нем написано, Михаил Иванович хорошо знал – по дороге в строевой отдел сургучная печать на пакете отвалилась, и он не удержался от искушения. Хотя, если по правде, подобные «шалости» тогда позволяли себя почти все красные командиры, как, впрочем, и позже их преемники – советские офицеры.

Высокое начальство сообщало сведущим лицам, что М.И. Потапов, закончивший академию «по первому разряду», по всем основным ведущим дисциплинам подготовлен отлично, и рекомендовало майора танковых войск на должность командира механизированного полка кавалерийской дивизии. В качестве постскриптума добавлялось, что руководство академии желало оставить такого отличного специалиста на преподавательской работе, но он предпочел строевую службу в полевых войсках...

– Скажите, что вы сейчас читаете? – положив трубку, неожиданно спросил Жуков.

– В каком смысле? – откровенно растерялся майор.

– В смысле специальной, а впрочем, и художественной литературы.

– А... Первой мировой шибко интересуюсь. От корки до корки проштудировал воспоминания Алексея Алексеевича Брусилова.

– Где же ты их достал, братец?

– В библиотеке. Воениздат, тысяча девятьсот двадцать девятый год.

– Рекомендуешь?

– Так точно!

– Не надобно, – краешком рта улыбнулся генерал. – Я о тех событиях не понаслышке знаю – сам на Юго-Западном фронте воевал... Два Георгия кровью и потом заработал. Третьей и четвертой степени.

– Здорово!

– Позже, после ранения, закончил школу унтер-офицеров... Но в своей официальной автобиографии об этом никогда не упоминал.

– Почему?

– Да так... На всякий случай. Кабы чего не вышло.

– А мне зачем рассказали?

– Должен же кто-то знать всю правду о комдиве?

«Хочет проверить, так сказать, на вшивость... Посмотреть, побегу стучать в Политотдел али нет... Не побегу, дорогой Георгий Константинович, ни за какие деньги, звания или должности – не побегу!» – мысленно поклялся Потапов. А вслух сказал:

– Мы с вами калужане, самые что ни есть русские люди – чистые, искренние, правдивые. И – надеюсь, такими останемся впредь.

– Хорошо сказано... И правильно. Земляки – они ведь, как братья, должны держаться все время вместе и при случае помогать друг другу... Ты с этим согласен, Михайло Иванович?

– Так точно, товарищ комдив! Скажу больше... В моей биографии тоже есть белые пятна...

– Имеешь в виду обучение в церковноприходской школе?

– Да... А вы откуда знаете?

– Командир должен знать все о тех, с кем ему придется воевать плечом к плечу. Иначе грош ему цена!

В этот момент Потапов понял, что Жуков читал не только официальные документы. Но с выводами комдива согласился на все сто.

Допрос

Лагерь «Проминент».

Декабрь 1941 года

Под Новый год в Винницу для выполнения функций следователя прибыл офицер специального отдела абвера при командовании 2-й армии вермахта со странной, явно неарийской фамилией, то ли Федреготти, то ли Федриготти. Руководство лагеря, в том числе и его комендант – Эгон Петерсон, которого Потапов уже успел мысленно окрестить Шпалой, почему-то называли его боссом, точнее – Босси.

– Для начала я расскажу о ваших правах и обязанностях, – следом за офицером повторил переводчик из числа советских военнопленных, как окажется позже – потомок так называемых поволжских немцев, первых переселенцев из Германии.

– Валяйте...

– Лагерь, в котором вы будете содержаться, находится в ведении Главного командования сухопутных сил абвера, поэтому условия содержания в нем намного лучше, чем в других учреждениях подобного типа. Согласно Женевским конвенциям, которые Советский Союз, кстати, так и не удосужился подписать, вы как генерал поверженной армии имеете право, во-первых, на адъютанта, во-вторых, на денежное содержание, в-третьих – на продовольственный паек офицера вермахта, в-четвертых, на гарантии сохранности мундира, а также наград – орденов и медалей...

– Пункт первый отвергаю, обойдусь без адъютанта, тем более что мой погиб в бою; во-вторых, за рейхсмарки не продаюсь, а вот за третье – спасибо. Мне надо усиленно питаться, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье и дожить до того радостного мгновенья, когда вашего гребаного фюрера вздернут на виселице...

Переводчик замешкался, не зная, переводить последнюю фразу или нет, но все же собрался с духом и промямлил:

– Фюрер ан виселице цу хинауфзихен...

Узкий лоб босса покрылся испариной.

– Но самое главное, – продолжил Потапов, – наша армия еще не разбита, не повержена, как вы сказали. Русские долго запрягают, но быстро ездят. Еще немного – и погонят вашего брата от Москвы до самого Берлина! Только пятки сверкать будут!

– Отставить пропаганду! – завизжал Петерсон.

– Яволь... Фортфюрен¹, – решил загладить ситуацию следователь, продолжая неспешно делать свою работу. – Какие отношения сложились у вас с армейскими политработниками?

– Самые лучшие.

– Но ведь все комиссары – евреи!

– И что с этого?

– Народ-паразит... Позорная опухоль на теле человеческой цивилизации!

– Мы, советские люди, в большинстве своем – интернационалисты. И национальность не имеет для нас решающего значения. Как говорится: лишь бы человек был хороший. Да и евреев среди политработников не так много. Всего-то два процента. Остальные – русские.

– Позвольте не согласиться с такой статистикой!

– Ваше право...

– Что ж, продолжим?

¹ Фортфюрен – продолжайте (нем.).

- Как сочтете нужным. Я весь внимание.
- Вы член партии большевиков?
- Да. С тысяча девятьсот двадцать шестого года. И безмерно этим горжусь.
- Как вы оцениваете действия Сталина по уничтожению элиты Красной Армии?
- Не мне об этом судить.
- Хорошо, – устало махнул рукой следователь. – Какие-то требования, пожелания по условиям содержания имеете?
- Никак нет.
- Тогда – до следующей встречи.
- Прощайте!..

Земляки

Белорусская ССР.

Май 1937 года

Личным впечатлениям Жуков всегда доверял гораздо больше, чем всяким официальным бумажкам с ведомственными и даже гербовыми печатями: характеристикам, аттестациям...

Он давно собирался поговорить с Михаилом по многим вопросам боевой подготовки, чтобы узнать ближе земляка, присмотреться к нему, быстрее ввести в курс дел 4-й дивизии. И поэтому чуть ли не через день наведывался в летний лагерь, куда молодой и перспективный командир вывел свой механизированный полк, как только принял его.

Всецело занятый маневрами, Потапов иногда не замечал комдива. Потом приходилось долго оправдываться...

– Простите, Георгий Константинович, не заметил...

– Вот так ты и противника на свои позиции пропустишь!

– Никак нет. Не пропущу!

– Впрочем, это не только твоя вина – разведчиков.

– Я не выставлял охранения.

– И зря, братец, зря...

– Здесь врагов нет!

– А ты откуда знаешь? Видишь – справа, за кустами, колхозное стадо...

– Так точно!

– Значит, где-то рядом должен находиться пастух. А его нет!

– Спит где-нибудь в канаве, – прильнув к биноклю, выдвинул свою версию майор. – Вон там, за бугорком, лежит собака, значит, и пастух где-то поблизости.

– А ты не допускаешь, что в это время он сидит на какой-нибудь высоте или дереве и оттуда наблюдает за маневрами нашей секретной бронетехники?

– Никак нет!

– И за воздухом у тебя никто не следит?

– Ну почему же... Вон там – зенитное орудие, и здесь, – майор ткнул пальцем в карту. – Муха не прошмыгнет незамеченной!

– Ну что ж... В целом, Михаил Иванович, ваши действия мне понравились. Так что объявляю благодарность!

– Служу Советскому Союзу!

– Продолжайте с такой же инициативой и настойчивостью работать дальше, не останавливаясь на достигнутом. И запомните мой товарищеский совет: командир, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время.

– Спасибо на добром слове, Георгий Константинович.

– Слушай далее... Меня назначили командиром 3-го кавалерийского корпуса.

– Поздравляю!

– Так что уже завтра я покину Слуцк.

– Жаль...

– Ничего... При первом удобном случае и тебя подтяну поближе. Понял?

– Так точно!

– А пока... Действуй в том же духе.

– Есть!

В конце 1938 года Георгий Константинович получил очередное повышение и вступил в должность заместителя командующего войсками Белорусского Особого военного округа. С тех пор именно Жуков осуществлял руководство боевой подготовкой танковых и кавалерийских соединений округа, в число которых входила и 21-я отдельная танковая бригада, к тому времени переданная под командование М.И. Потапова.

Так что связь между земляками не прерывалась ни на миг.

Тимофей Егорович

Лагерь «Проминент».

Январь 1942 года

Новый год военнопленные встречали со смешанными чувствами. Те, кто сумел сохранить верность присяге, – с надеждой. Те, кто в час испытаний предал Родину, предпочтя верной смерти позорное служение ненавистному врагу, – с плохо скрываемой тревогой.

Причина тому – разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Об этом первом – и посему чрезвычайно важном успехе Красной Армии – в «Проминенте» шептались все: начальство, следователи, конвоиры, гражданский персонал. Естественно, дошли слухи и до «пленного контингента». Такие, как Потапов, с тех пор ходили по лагерю с высоко поднятой головой, а еще вчера наглые и уверенные в себе господа кандидаты в коллаборационисты – сразу поутихли и поджали хвосты.

В это время в «Проминенте» появился новый обитатель – долговязый мужчина лет сорока – сорока пяти. Среди узников поползли слухи, что он – видный советский ученый, астроном и к тому же доктор военных наук. Полковник.

Поначалу новенький ни с кем не общался. Днями просиживал у окна офицерского барака, бессмысленно вглядываясь в бесконечную даль, а ночами увлеченно рассматривал бездонное украинское небо, щедро увешанное мерцающими звездами.

Но, как только ему стало известно, что среди прочих узников в лагере содержится генерал Потапов, астроном оживился и стал искать повода для встречи с ним. Вскоре она состоялась в отдельных «апартаментах» генерала.

– Ну, здравствуй, Миша... Не узнаешь?

– Не имею чести, – смерив беглым взглядом гостя, буркнул Потапов, которому в последнее время изрядно поднадоели визиты всяких проходимцев, рвущихся из кожи вон, чтобы склонить его к сотрудничеству с фашистами и таким образом доказать свою преданность новым хозяевам.

– Это я. Ковинов.

– Боже мой... Тимофей Егорыч... Сколько лет, сколько зим?

– Сейчас скажу точно. Двадцать три года, один месяц и четырнадцать дней.

– Ну, ты и даешь!

– Точно. Можешь не проверять. Я всю жизнь ждал этого момента!

– Поясни...

– Хотел найти тебя и за все отомстить. За революцию, за Гражданскую, за высылку, за уведенную невесту... Кстати, как она?

– Нина умерла. Еще в тридцать девятом...

– Вот видишь. И ей ты сломал жизнь...

– Я-то тут при чем? Мы жили душа в душу.

– Ладно... Проехали... Можно продолжать?

– Как хочешь.

– Там, в Сибири, я попытался все начать с нуля. Даже фамилию сменил, убрав окончание «ов».

– Значит, теперь ты Ковин?

– Ага.

– Постой... Знаменитый астроном, открывший какую-то необычную отдаленную планету, не ты ли? О нем писали все газеты!

– Я, Михаил Иванович... Я...

- Ох, и молодец же ты, Тиша!
- Ерунда все это... Больше, чем астрономией, увлекся астрологией. Стал рьяно изучать влияние звезд на характер человека и пришел к выводу, что многое в нашей жизни предопределено, запрограммировано. Свыше.
- Плохо. Не наша это наука – буржуазная.
- Не бывает наук буржуазных и пролетарских, Миша.
- Зато есть наука и лженаука. И астрология – одна из них.
- Ты атеист?
- Да. Хотя и закончил ЦПШ. Между прочим, праздники христианские все наперечет знаю. И чту.
- Зря!
- Это почему же?
- Христианство – зло. Недаром князь Святослав Великий говорил: «Вера христианская – уродство есть!»
- А ты какому Богу молишься?
- Единственному... Создателю. Творцу.
- Думаешь, он существует?
- Не думаю – знаю. Вот смотри: каждая планета движется лишь по своей неповторимой траектории, то есть орбите, на определенном расстоянии от Солнца с постоянной скоростью. Не пересекаясь с другими, не ускоряясь и не замедляя ход! Кто-то же задал небесным телам эти уникальные параметры?
- Природа.
- Вот в этом ваша главная ошибка, Миша... Вы противопоставляете природу Всевышнему и наоборот. Поставьте между ними знак равенства – и все ляжет на свои места. Бог – это не бородатый дядька, который сидит на небе, и, когда начинает писать, на землю проливаются капли дождя. Бог – это вода, солнце, кусты, деревья, ты, я, все, что окружает нас...
- Ну, ты и загнул!
- Не перебивай... За лженаучные изыскания меня выбросили из академии, лишили возможности заниматься любимым делом. И я возненавидел весь коммунистический мир. А кто был его олицетворением... Как думаешь, Михаил Иванович?
- Не знаю!
- Ты, Миша! Ты!
- С чего бы это?
- А кто носился по деревне с кроваво-красным флагом в руках? Кто в Гражданскую войну травил брата на брата, кто в конечном итоге стал главным инициатором высылки моей семьи в Сибирь?
- Неужто я?
- А то кто же! Помнишь ту встречу в лесу?
- Это когда ты пытался отобрать у меня улов?
- Так точно. С нее и начались мои беды. Думал, найду – и кончу, четверть века жил с этой мыслью, следил за всеми твоими перемещениями: Белоруссия, Монголия, Украина... А довелось свидеться – и все: пропала злость, улетучилась, испарилась, развеялась ветром... И Советская власть уже не такой хреновой кажется. Выучила меня, простачка, деревенского хулигана, на невиданные высоты вознесла, а я, тварь неблагодарная, чернил и хаял ее все годы...
- И когда на тебя снизошло это просветление?
- Когда в плен угодил. С арийским дерьмом поближе познакомился. Национал-демократы... Европейская, цивилизованная нация, блин, видел, что они с нашими рядовыми пленными творят, гады?

На Халхин-Голе

МНР, Маньчжурия.

Весна 1939 года

В 1932 году японские войска оккупировали Маньчжурию и создали на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-го. Но на этом не остановились и уже в 1935-м предприняли ряд провокаций на границе СССР с Монголией.

Спустя четыре года напряженность в регионе резко усилилась, достигнув пика.

16 января 1939 года в районе высоты Номон-Хан-Бурд-Обо группа из пяти солдат Квантунской армии с расстояния около пятисот метров обстреляла из автоматического оружия четырех пограничников дружественной нам страны.

А уже на следующий день там же 13 японских воинов напали на монгольский наряд, захватили в плен начальника заставы и ранили одного солдата.

Всего же только в феврале и марте 1939 года было совершено около 30 нападений на посты МНР.

Дальше – хуже.

Ночью 8 мая 1939 года группа японцев численностью до взвода с ручным пулеметом попыталась скрытно занять принадлежавший Монголии островок посредине реки Халхин-Гол, но после короткой перестрелки отступила, потеряв трех солдат убитыми и одного (Такадзаки Итиро из разведотряда 23-й пехотной дивизии) – пленным.

И мая 1939 года отряд японской кавалерии (до 300 человек с несколькими пулеметами) продвинулся на пятнадцать километров в глубь территории МНР и напал на пограничную заставу, расположившуюся на уже упомянутой высоте Номон-Хан-Бурд-Обо. С подходом подкрепления противник был отброшен на исходный рубеж.

14 мая 1939 года все тот же разведывательный отряд 23-й японской пехотной дивизии (300 всадников при поддержке звена из пяти легких пикирующих бомбардировщиков) атаковал 7-ю пограничную заставу МНР и занял высоту Дунгур-Обо. На следующий день японцы перебросили туда до 30 грузовиков с двумя ротами пехоты, семь бронемашин и один танк.

Утром 17 мая 1939 года командир 57-го особого стрелкового корпуса Николай Владимирович Фекленко послал к Халхин-Голу группу советских войск в составе трех моторизованных рот, саперной роты и артиллерийской батареи РККА. Одновременно туда же был направлен дивизион бронемашин МНРА. 22 мая советские войска форсировали реку и отбросили врага назад к границе.

Двадцать восьмого мая противник, обладавший численным превосходством, перешел в очередное наступление, имея целью окружить советско-монгольские войска и отрезать их от переправы на западный берег Халхин-Гола. Союзники сначала отступили, но уже на следующий день блестяще провели контрнаступление и оттеснили зарвавшегося врага на исходные позиции.

В начале июня не шибко решительный Фекленко был отозван в Москву, а на его место, по предложению начальника оперативного отделения Генерального штаба РККА Матвея Васильевича Захарова, был назначен Г.К. Жуков. Начальником штаба корпуса стал Михаил Андреевич Богданов. Вскоре после прибытия на новое место службы им был предложен план боевых действий, предполагавший ведение активной обороны на плацдарме за Халхин-Голом и одновременную подготовку мощного контрудара по главной группировке сухопутных сил Императорских вооруженных сил Японии. Наркомат обороны и Генеральный штаб РККА согласились с предложениями Богданова. В район конфликта стали стягиваться

необходимые силы – войска подвозились по Транссибирской железнодорожной магистрали к Улан-Удэ, а далее – по территории Монголии, следовали походным порядком...

Попытка вербовки

Лагерь «Проминент».

Август 1942 года

К концу лета лагерь элитных военнопленных пополнился новыми «постояльцами». Среди них попадались знакомые лица, такие как, например, полковник Боярский, служивший непродолжительное время адъютантом Маршала Советского Союза Тухачевского. В плен этот деятель попал, будучи командиром 41-й стрелковой дивизии.

Теперь он утверждал, что является прямым потомком украинского князя Гамалия. Только Потапов в это не верил.

Ну, какой, к черту, он хохол, если на самом деле носит фамилию Боярский? И по батюшке – Гелярович. Хотя представляется неизменно Владимиром Ильичем, пороча святое имя вождя мирового пролетариата!

На встречу с Потаповым Боярский явился в компании все того же Шпалы.

– Как ваше здоровье? – начал он издали слащавым, вкрадчивым голосом.

– Нивроку! Так, кажется, говорят на Украине?

– Правильно! Мы с генералом Власовым...

– Как? Андрей Андреевич тоже здесь?

– Да. А вы не знали?

– Нет.

– Это не удивительно. Мы попали в плен совсем недавно.

– Попали или сдались?

– Какое это имеет значение?

– Огромное!

– Короче! Мы с генералом Власовым будем просить фюрера сформировать части российской освободительной армии для борьбы с большевизмом.

– Пшел вон! Я присягал Сталину. И присяге не изменю!

– Сталин – патологический убийца! – завизжал Боярский, с недавних пор позиционирующий себя в качестве антикоммуниста и лютого противника Иосифа Джугашвили. – Его будет судить международный трибунал!

– Заткнись, сука, не то я тебя собственными руками...

Гений внезапного удара

МНР, Халхин-Гол.

Лето 1939 года

20 июня 1939 года в небе над Монголией возобновились ожесточенные воздушные бои. За три дня – 22-го, 24-го и 26 июня – японцы потеряли более 50 машин.

Но ранним утром 27 июня авиации противника удалось нанести внезапный удар по нашим аэродромам, что привело к уничтожению на земле 19 советских самолетов. При этом потери врага составили два бомбардировщика и три истребителя.

К концу июня штабом Квантунской армии был разработан план новой пограничной операции под кодовым названием «Второй период номонханского инцидента».

Выполняя его, 2 июля вражеская группировка снова перешла в наступление.

В ночь со 2-го на 3 июля 1939 года войска под командованием генерал-майора Кобаяси форсировали реку Халхин-Гол и захватили на ее западном берегу гору Баян-Цаган², находящуюся в сорока километрах от маньчжурской границы. После чего стали спешно возводить на ней современные фортификационные сооружения для эшелонированной обороны, чтобы удержать господствующую высоту и в дальнейшем ударить с нее в тыл советским войскам.

На восточном берегу Халхин-Гола также завязались тяжелые сражения. Наступая силами двух пехотных и двух танковых полков (130 единиц бронетехники) на позиции полутора тысяч красноармейцев и двух монгольских кавалерийских дивизий общей численностью в 3,5 тысячи конников, японцам удалось первоначально добиться успеха. Советские войска выручил заранее созданный Жуковым подвижный резерв. Георгий Константинович бросил его в бой прямо с марша. 11-ю легкую танковую бригаду комбрига Михаила Павловича Яковлева³ поддерживал монгольский броневой дивизион, вооруженный 45-мм пушками. Вокруг Баян-Цаган развернулись кровопролитные бои. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий разного калибра, а в небе над горой порой кружило около 300 советских и японских самолетов.

В эти дни отлично проявили себя бойцы 149-го стрелкового полка майора Ивана Михайловича Ремизова и 24-го моторизованного полка Ивана Ивановича Федюнинского, с трех сторон окружившие врага.

Японцы запаниковали. И точно побежали бы назад, если бы командование Императорской армии не приняло решение разрушить единственный понтонный мост через реку Халхин-Гол.

Многие из них остались навсегда на той горе.

Впрочем, какого-то особого впечатления на «воинственные верхи», не привыкшие считаться с человеческими жертвами, это не произвело. Людей упрямо продолжали посылать на верную гибель.

Восьмого июля японцев вновь погнали в массированную атаку на позиции 149-го стрелкового полка и батальона стрелково-пулеметной бригады, которые оказались совершенно не готовыми к такому развитию событий. В результате 149-й полк, бросив одну артиллерийскую батарею, взвод противотанковых орудий и несколько пулеметов, спешно отошел к реке, продолжая удерживать лишь небольшой плацдарм в три-четыре километра.

² По другим источникам – Баин-Цаган.

³ Михаил Павлович навсегда остался в монгольской земле – он героически погиб 12 июля 1939 года.

Двадцать третьего июля войска противника после мощной артиллерийской подготовки обрушили на наших воинов шквал своих атак. Однако после двухдневных боев, понеся значительные потери, отошли на исходные позиции.

В воздухе за это время японцы потеряли 67 самолетов, наши – только 20. В итоге за все время конфликта СССР лишился 207, Япония – 162 крылатых машин...

Очередную атаку командующий 6-й особой армией генерал Огису и его штаб назначили на 24 августа. Учитывая печальный опыт боев на горе Баян-Цаган, главный удар планировалось нанести в правый фланг советской группировки. Форсирование реки при этом не предполагалось.

Но Жуков не спал и готовил свою наступательную операцию. Причем в режиме строжайшей секретности. Все передвижения войск в прифронтовой зоне происходили исключительно в темное время суток, рекогносцировки на местности командным составом велись в форме рядовых красноармейцев с грузовых автомобилей.

Для введения врага в заблуждение по ночам включались звуковые установки, имитировавшие работу моторов танков, бронемашин, самолетов, чтобы японцы привыкли к постоянному шуму и перестали на него реагировать.

Одновременно велась активная радиоэлектронная борьба в эфире. Зная, что японцы прослушивает все телефонные разговоры, в целях дезинформации была запущена в действие программа ложных радио- и телефонных сообщений. Разговаривать разрешалось только на тему строительства оборонительных сооружений и подготовки к осенне-зимней кампании. Радиообмен специально велся на легко дешифрируемом коде.

Наступающие советские войска были разделены на три группы – Южную, Северную и Центральную. Главный удар наносился Южной группой полковника Михаила Ивановича Потапова, вспомогательный – Северной, которой командовал полковник Илья Прокопьевич Алексеенко.

Центральная группа под командованием комбрига Даниила Ефимовича Петрова должна была сковать силы противника на линии фронта, тем самым лишив их возможности маневра. В резерве, сосредоточенном также в центре, находились 212-я авиадесантная и 9-я мотоброневая бригады и танковый батальон.

В операции участвовали и монгольские войска – 6-я и 8-я кавалерийские дивизии под общим командованием маршала Хорлогийна Чойбалсана.

Такая подготовка не могла не дать результат.

Наступление советско-монгольских войск 20 августа оказалось полной неожиданностью для японского командования.

В 6 часов 15 минут началась мощная артиллерийская подготовка и авиационный налет на позиции противника.

В 9 часов пошли в наступление сухопутные войска. В первый день они действовали в полном соответствии с замыслами своего командования. Небольшая заминка случилась лишь во время переправы 6-й танковой бригады через Халхин-Гол, когда наведенный саперами понтонный мост не выдержал и рухнул под тяжестью наших бронированных чудовищ.

Наибольшее упорство противник проявил на центральном участке фронта, где у него имелись хорошо оборудованные инженерные укрепления – здесь нашим удалось продвигнуться за день всего на 500 – 1000 метров.

На других участках – все шло строго по намеченному плану.

21—22 августа японцы все же смогли прийти в себя и оказать ожесточенное сопротивление. Жукову пришлось срочно вводить в бой резервную 9-ю мотоброневую бригаду.

Последние сражения еще продолжались 29 и 30 августа на участке севернее реки Хайластын-Гол. Но к утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от захватчиков.

Однако враги не унимались.

Утром 4 сентября два батальона японской пехоты попытались занять высоту Эрис-Улын-Обо, но были отброшены назад за линию государственной границы с тяжелыми потерями – до 350 человек убитыми.

Ночью 8 сентября в этом же районе войска противника предприняли очередную попытку проникновения на территорию Монголии силами четырех пехотных рот, однако и она не увенчалась успехом.

16 сентября 1939 года боевые действия в МНР были окончательно прекращены.

За победу на Халхин-Голе Георгий Константинович Жуков получил свою первую Звезду Героя Советского Союза. А Потапов – второе прозвище – «Гений внезапного удара». Первое – «Невозмутимый» – прилипло к нему еще в юности...

Что наша жизнь?

Лагерь «Проминент».

Август 1942 года

Теперь у Потапова появился личный адъютант – вместо погибшего в бою. Конечно же, земляк – Тимофей Егорович Ковин. В конце июля он с любезного разрешения руководства лагеря переселился в комнату «шефа» и целыми днями развлекал его рассказами об устройстве мира и предсказуемости каждой человеческой судьбы.

– А еще в нашей Вселенной есть миллионы черных дыр...

– Чего?

– Черных дыр! Ты о них хоть что-то слышал?

– Нет.

– Это застывшие звезды, или коллапсары – сверхмассивные объекты, втягивающие внутрь себя все, что попадает на их пути, в том числе и целые звездные системы. Так, чтобы превратить наше Солнце в черную дыру, – надо просто уплотнить его до размеров небольшого городка. И тогда наступит конец света. В прямом смысле этого слова. Ибо коллапсары поглощают даже свет!

– А как же законы физики? Свет должен огибать все предметы.

– В том-то и дело, что должен. Но в черных дырах законы физики не действуют.

– Но ведь это в корне противоречит основам нашего материалистического мировоззрения?

– Точно. Противоречит. После того как на одном из симпозиумов я заявил, что, если в одном отдельном месте законы физики не действуют, значит, вся теория неверна, – коллеги подняли меня на смех...

– Не знаю, есть в твоих идеях рациональное зерно или нет, но в любом случае они намного опережают время.

– Ты это нашим догматикам скажи!

– Скажу. Когда выйду.

– А мы отсюда выйдем?

– Несомненно.

– Ой, не верю я в это...

– А ты – верь! Впрочем, давай вернемся к твоей теории. И когда наступит Армагеддон, то есть конец нашей цивилизации?

– Кто его знает... Может, там, внутри черных дыр, тоже есть жизнь?

– С этого места, пожалуйста, подробней... А то я ни хрена не понимаю.

– Как уже говорилось, во Вселенной открыты миллионы коллапсаров. Познать, изучить их – совершенно нереально: пространство и время возле этих объектов почему-то искривляются... Это не фантастика – объективные математические расчеты, произведенные в свое время Лобачевским, Эйнштейном и их последователями, в числе которых и твой покорный слуга.

– То есть как «искривляются»?

– А вот так... Я же говорил – черные дыры поглощают даже свет.

– Не представляю... А как представлю – страшно становится. Не за свою кожу – за все, как у нас говорят, прогрессивное человечество.

– Не бойся, Миша. Жизнь бесконечна. Я имею в виду не физическое тело, – процесс, эволюцию. Опять же запущенную свыше... Другими словами, ежедневно, ежечасно, ежесекундно в мире происходит жесточайший естественный отбор. Худшие людишки попадают

на исправление, грубо говоря, в ад, а лучшие представители гомо сапиенс, такие, как мы с тобой, Михайло Иванович, идут дальше, на следующий – бестелесный или, если хочешь, духовный уровень своего развития. То есть фактически в рай.

– Итак, ты утверждаешь, что смерти бояться не следует?

– Ее просто не существует! Наше мирское существование – всего лишь мгновение. Эпизод. Вспышка. И немалое испытание! Представь себе: населенная умными микробами маленькая грудка Земли, вращаясь беспрестанно вокруг своей оси, носится с сумасшедшей скоростью вокруг мощной лампочки или, скажем так, прожектора, как на вышках вокруг нашего лагеря. Сделала шестьдесят, от силы семьдесят оборотов – и все, нет больше микроба. А на его месте появился другой. Родственный. Из той же пробирки. Стоит ли сожалеть об этом?

– Ой, не знаю...

– Бог бессмертен. Следовательно, бессмертны и мы с тобой, коль уж созданы по образу и подобию его... Не станет нас, значит, нет Бога! Чего не может быть в принципе. Хотя это ты понимаешь, дурья башка?

– Пытаюсь...

«Золотой» сентябрь

Западная Украина. Сентябрь 1939 года

Как уже говорилось, 16 сентября 1939 года закончились кровавые события на Халкин-Голе, а уже на следующий день начался очередной освободительный поход Красной Армии, только теперь уже на запад. Его целью было провозглашено воссоединение западно-украинских земель – Галиции и Волыни, из которых позже образуют Волынскую, Дрогобычскую, Станиславскую (Ивано-Франковскую), Львовскую, Ровенскую и Тернопольскую области, с Восточной (Советской) Украиной.

К числу западных по географическим признакам относилась и Северная Буковина с центром в Черновцах, но ее очередь, как мы уже знаем, наступит немного позже.

Походу предшествовало вторжение немецких войск в Польшу, подозрительно начавшееся в тот день, когда в Москве открылась наспех созванная сессия Верховного Совета СССР, призванная рассмотреть ситуацию, сложившуюся на западной границе первого в мире государства рабочих и крестьян.

В преддверии наступления, когда немцы уже рвались на всех парах к столице Галиции, по привычке называемой ими Лембергом, в кабинете наркома обороны СССР маршала Климента Ефремовича Ворошилова срочно собрали оперативное совещание.

В числе других на него пригласили и нескольких чиновников Наркомата путей сообщения СССР, которым устроили грандиозный разнос за то, что они не смогли как следует наладить работу своего ведомства по организации массовой переброски войск на запад, начавшейся еще 7 сентября.

Впрочем, несмотря на имеющиеся серьезные недостатки, войска трех оперативных групп под общим командованием командарма первого ранга Семена Константиновича Тимошенко вскоре были стянуты в места своего нового назначения.

Первая расположилась вблизи Новоград-Волынского⁴, Славуты⁵ и Шепетовки⁶, вторая – в районе Купели⁷, Сатанова⁸, Проскурова⁹, третья – в квадрате Гусятин¹⁰ – Каменец-Подольский¹¹ – Новая Ушица¹² – Ярмолинцы¹³.

Со временем из них сформируют три армии: 5-ю, 6-ю и 12-ю, которые примут на себя основной удар фашистских полчищ в первые дни самой кровавой в истории человечества войны. А их командующие (соответственно Михаил Иванович Потапов, Иван Николаевич Музыченко, Павел Григорьевич Понеделин) все, как один, окажутся в гитлеровском плену.

Но это случится позже.

А пока...

⁴ Новоград-Волынский – город областного значения в Житомирской области Украины, в Российской империи – Звягель, административный центр Волынской губернии.

⁵ Славута – город в Хмельницкой области Украины.

⁶ Шепетовка – город в Хмельницкой области Украины.

⁷ Купель – село в Волочискском районе Хмельницкой области Украины.

⁸ Сатанов – поселок городского типа в Городокском районе Хмельницкой области Украины.

⁹ Проскуров – старое название города Хмельницкий, теперь областного центра Украины.

¹⁰ Гусятин – населенный пункт в Украине, часть которого находится на территории Хмельницкой области, часть – Тернопольской.

¹¹ Каменец-Подольский – город в Хмельницкой области Украины.

¹² Новая Ушица – ныне поселок городского типа в Хмельницкой области Украины.

¹³ Ярмолинцы – ныне поселок городского типа в Хмельницкой области Украины.

После перехода государственной границы перед первой группой войск, названной Шепетовской (командир – Иван Герасимович Советников), была поставлена задача через Ровно овладеть Луцком; вторая (Волочискская¹⁴) – под командованием Филиппа Ивановича Голикова – получила задание через Тернополь занять Перемышляны¹⁵ и вплотную приблизиться к границам столицы Галиции, Львова, третью (Каменец-Подольскую) под началом Ивана Владимировича Тюленева через Чертков¹⁶ обязали выйти к крупному (по западно-украинским меркам) городу Станиславу¹⁷.

Войска польской пограничной стражи лишь кое-где оказали достойное сопротивление РККА. Наиболее ожесточенное – в Сарненском¹⁸ укрепрайоне и на северо-западе Волыни.

В долговременные бои разведывательные группы РККА, шедшие впереди остальных войск, старались не ввязываться – они просто обходили стороной очаги сопротивления, оставляя отчаянных смельчаков, посмеявшихся бросить вызов огромной красной армии, «на закуску» коллегам из НКВД.

Но все равно пройти по освобождаемым территориям бравурным маршем не удалось.

И причина тому – вовсе не величайший героизм противника, а собственное, как говорится – доморощенное разгильдяйство, низкая квалификация командного и рядового составов, отсутствие стойкой связи и взаимопонимания между различными соединениями и частями победоносных советских войск.

Ударная сила РККА – танки – вообще оказались не готовыми к войне. Только в одной 38-й танковой бригаде потери на марше от места дислокации (Шепетовка) в район Купель – Чернявка – Лычевка¹⁹ составили 41 машину. И это еще до начала боевых действий!

Некоторые завязли в непроходимых болотах, у иных просто закончилось горючее, а цистерны с топливом, как всегда, в самый ответственный момент куда-то подевались...

Не все прошло гладко и в других, по мнению командования, – более дисциплинированных – частях.

Так, после осмотра техники в 24-й бригаде смогли собрать лишь один неполный батальон. Чтобы спасти ситуацию и (что тоже немаловажно!) – собственные головы, командование вывело из второго эшелона 3-ю кавалерийскую дивизию и бросило ее на Золочевское²⁰ шоссе, и без того по края заполненное наступающими войсками.

Одолев за целый день лишь шестьдесят километров, корпус окончательно остановился.

И только 14-я кавалерийская дивизия даже в ночи продолжала двигаться вперед – в сторону вождьленного Львова.

С той же целью – захватить столицу Галиции, в предместья которой уже успели вступить передовые гитлеровские части, наше главнокомандование бросило в наступление еще одно, срочным образом собранное на базе 5-й дивизии подразделение, аналогов которому раньше в Красной Армии не было, – так называемый «особый подвижной отряд», что-то вроде современных сил быстрого реагирования.

¹⁴ Волочиск – город в Хмельницкой области Украины, некогда последний населенный пункт на западе Российской империи.

¹⁵ Перемышляны – город в составе Львовской области Украины.

¹⁶ Чертков – город в Тернопольской области Украины.

¹⁷ Станислав – старое название украинского города Ивано-Франковск.

¹⁸ Сарны – город в Ровенской, как теперь пишут – Ровненской (Ривненской) области Украины.

¹⁹ Купель, Лычевка – села в Городокском районе Хмельницкой области Украины, Чернявка – железнодорожная станция, деревня в Красноармейском районе Житомирской области Украины.

²⁰ Золочев – город, районный центр Львовской области Украины.

Батальон из 600 штыков посадили на автомобили и, усилив танками Т-26 из 38-й и Т-28 из 10-й бригады, в баках которых почти не было горючего, бросили в безрассудный стокилометровый марш через Поморяны²¹ и Перемышляны.

Но выполнить приказ так и не удалось.

Точнее, как это часто бывает, пришлось срочно выполнять другой.

Крупные силы отступающих поляков неожиданно вышли на Львовское шоссе. Пришлось немного отвлечься-поразвлечься, а уж потом продолжить дальше свой «героический» путь.

Вечером 18 сентября часть все же вступила в Тернополь, а в ночь на 19 сентября – во Львов. Население встречало Красную Армию с ликованием. Во всяком случае, именно такие донесения поступали с фронтов в Инстанцию, как на сленге красного командования называли высшее руководство страны.

В тот же день случился и первый конфликт с «дружественными германскими войсками».

Командование «отряда быстрого реагирования» заметило немецкую группировку из танков, пехоты и артиллерии, явно намеревавшуюся опередить основные силы РККА и первыми захватить Львов.

Батальон остановился и развернулся, давая понять союзникам, что эта территория уже занята. Но те не вняли предостережениям и открыли огонь, подбив несколько русских танков и две бронемашин. В ответ наши прямой наводкой подавили две артиллерийские батареи друзей-противников, убив при этом несколько десятков доблестных гитлеровских воинов.

На следующий день немцы принесли свои извинения и выразили сожаление по поводу случившегося. Мол, мы случайно приняли ваши войска за... польские... На войне всякое бывает!

Конфликт посчитали исчерпанным и, чтобы еще больше скрепить узы нерушимой братской дружбы, стали ходить друг к другу в гости.

Сначала около двух десятков немецких офицеров прибыли в Винники²², где их принял командующий 25-й легкотанковой бригадой РККА полковник Петр Семенович Фотченков. Затем наши нанесли, так сказать, ответный визит, во время которого и произошел непредвиденный инцидент, позже ставший притчей во языцех, чуть ли не анекдотом, долгие годы охотно пересказываемым во всех войсках.

Осмотрев образцы новейшей техники гостеприимных хозяев, командир красных разведчиков старший лейтенант Ткаченко отстал от основной группы, спешившей на банкет, и вернулся к понравившемуся ему среднему танку «панцеркампфваген», называемому в советских источниках Т-III или Тип-3. Забрался внутрь башни, запустил двигатель, увеличил подачу топлива и дал газу...

Проще говоря, угнал секретное оружие!

В тот же день немцы обнаружили пропажу и выставили претензии русским друзьям.

Виновных быстро установили и решили показательно наказать.

– О чем вы только думали, совершая такой опрометчивый поступок? – распекал Фотченков своего подчиненного – Ткаченко.

– О Родине думал, товарищ комбриг, о нашей армии, – неуклюже оправдывался тот.

– Таким грубым способом разведданные не добывают! – настаивал на своем полковник.

²¹ Поморяны – деревня Золочевского района Львовской области Украины.

²² Винники – населенный пункт в четырех километрах от Львова, сейчас в составе Лычаковского района этого города.

– А в бою за них, может быть, десятками и сотнями жизней платить придется, – не сдавался старший лейтенант. – Вот я и пытался эти жизни сохранить...²³

Кто из них был прав – рассудит будущая, беспощадная и кровожадная война, разразившаяся менее чем через два года, после описанных событий...

²³ Впервые об этом эпизоде рассказал комкор Рябышев, о котором еще пойдет речь ниже. Книга его воспоминаний называется «В огне боев» (Ростов-на-Дону, 1972).

Кони вороные

Лагерь «Проминент».

Август 1942 года

– А, помнится, Миша, в молодости ты неплохо пел! – задумчиво произнес Ковин, глядя в открытое окошко, за которым резво гоняли мяч мужчины в длинных «семейных» трусах.

Футбольные поединки, в которых принимали участие как узники, так и лица, призванные за ними присматривать, давно стали в лагере визиткой, традицией, украшением выходного воскресного дня.

– Было дело, – согласился Потапов.

– Помнишь нашу любимую?

– А как же!

– Давай в два голоса...

– Давай!

Генерал набрал полную грудь воздуха и, выдохнув, весело затыкнул:

Начинаются дни золотые
Воровской неприглядной судьбы,
Крикнул: «Кони мои вороные,
Черны вороны, кони мои!».
Вот подъехал я быстро и смело,
Ловко выпрыгнул я из саней,
Нежно обнял я девичье тело,
И на сердце мне стало милей.
И всю ночь я не спал до рассвета,
Целовал ее в грудь и уста,
Долгожданного ждал я ответа,
Вороны все ждали меня.
И чтоб замуж скорее отдали,
Много денег я отдал отцу,
А как только ответа дождался,
Вороны умчали к венцу.
И чтоб жизнь ее сделать, как в сказке,
Темной ночью я в банк проскользнул,
Набрал денег мешок под завязку,
А с деньгами опять ускользнул.
Так мы прожили с нею три года,
Но ведь счастьем бывает конец,
Нас постигла беда и невзгоды,
И всему был виною отец.
Как-то в карты он раз проигрался,
Денег не было, нечем платить.
Попросить у меня постеснялся
И решил на меня заявить.
Разлучили с женой молодою,
Посадили в Бутырку-тюрьму.

И большим меня судом судили,
Я был сослан в глухую тайгу.
Так три года я там проскитался,
Сил уж не было больше страдать,
Как-то раз удалось ухитриться —
Обмануть часовых и удрать.
Прибегаю в родной городишко,
Вот уж дом, вот конюшня моя,
А как только к конюшне пробрался
Воронье узнали меня.
И заржали мои вороны,
Я их гладил рукою в ответ.
Вспоминаю те ночки былые,
А хозяйки давно уже нет.
А хозяйка сидела в остроге,
Проклиная злодейку-судьбу.
И она там невинно страдала
За мою, за большую вину.
Прошел месяц, и вот в воскресенье
Под конвоем ее повели.
Я стоял и дрожал от волненья,
Рядом кони стояли мои.
И рванулись черные кони,
Сколько было у них только сил,
Двух конвойных они задавили,
Я ее на лету подхватил.
Мы летели, а пули свистели
Но догнать нас они не могли,
Потому что, как вихорь, летели
Черногривые кони мои.
А как только погоня утихла,
В поцелуях мы оба сплелись,
Снег копытами кони взрывали
И все дальше, все дальше неслись.
Мы ушли от проклятой погони,
Перестань, моя детка, рыдать,
Нас не выдали черные кони,
Вороных им теперь не догнать.

Как в его родное Мочалово, далекое от воровской романтики, попал этот блатной фольклор, Потапов и сам не мог объяснить. Но песенку, которую он впервые услышал от своего отца — Ивана Андреевича, при случае распевала вся мужская половина деревни. Конечно же, и в соседних Рыляках, откуда был родом Ковинов, тоже неплохо знали ее слова.

Увлечшись пением, друзья не сразу заметили, что футболисты прекратили бесцельную беготню и теперь, раскрыв рты, слушают «бесплатный концерт».

— Ну, чего уставились? — наконец-то вернувшись на землю, закричал Тимофей Егорыч. — Развесили уши... Гоняйте дальше свою клизму!

Зона

Территория освобожденной Западной Украины.

1939–1940 годы

(По так и не опубликованному исследованию Сергея Ткачева «Зона»)

Удивительно, но после официального принятия новых членов в дружную семью советских народов у Страны Советов появилось сразу две западные границы. Старая – внутренняя и новая – внешняя.

Пограничники, охраняющие старую границу по реке Збруч, говорили, что несут службу «на зоне». Раньше так выражались только те, кто работал в лагерях или тюрьмах. Но с 1939 года сторожевые функции предписали и солдатам в зеленых фуражках. Ведь с недавних пор они бдили лагерь нового типа, одну большую Зону – Западную Украину и Белоруссию, а чуть позже – и Буковину с Прибалтикой.

Служить «на зоне» доверяли только бывалым бойцам, срок демобилизации которых все откладывали и откладывали до лучших времен.

А те почему-то никак не хотели наступать.

Часто «на усиление» старой границы посылали тех, у кого закончилась служба на новой – той, что в спешном порядке обустраивали вдоль живописной речки Буг.

Секрет «усиления» раскроется только с началом Великой Отечественной войны, когда героические стражи советских границ, чудом уцелевшие в первые дни кровавой бойни и теперь вместе с воинами доблестной 5-й армии организованно уходящие на восток под непрерывными ударами германских войск, попробуют закрепиться на бывшем рубеже, где, по их сведениям, должны быть и железобетонные доты, и артиллерийские погреба с механизированной подачей боеприпасов, и автономные подземные электростанции, и системы для круглосуточной подачи воды, и казематы для отдыха.

Но там уже не было ничего этого.

Их ждали только бывшие сослуживцы, копающие окопы перед зданием заставы, и плакат: «Социализм сотрет все границы капитализма».

Однако мы сильно опередили время, пропустив практически весь период становления на новых землях власти рабочих и крестьян.

Началось оно, это становление, привычно – с депеш, реляций, донесений.

Так, руководство погранвойск НКВД УССР с помпой сообщило в Москву, что 18 сентября в районе заставы Сатанов с противоположного берега реки Збруч к нашим пограничникам подошла группа жителей села Калагаровка²⁴ в количестве 300 человек с оркестром и флагами «чтобы выразить свою благодарность».

В тот же день на основании этого донесения начальник политического управления пограничных войск НКВД СССР дивизионный комиссар Петр Никифорович Мироненко состряпал свой рапорт для высшего руководства страны: «В районе заставы “Сатанов” к нашей границе подошла группа польских жителей села Калагаровка в количестве 500 человек с оркестром и красными флагами, чтобы поприветствовать РККА и поблагодарить за освобождение из-под гнета польских панов».

Чувствуете разницу?

А ведь потом, используя подобную «методу», из одного сбитого вражеского самолета «лепили» два, из нескольких уничтоженных танков – десять, из сотни взятых в плен – тысячи.

²⁴ Калагаровка – село в Гусятинском районе Тернопольской области Украины.

При этом свои потери скромно делили на два, а то и на три.
Есть ложь, большая ложь и... статистика, как говорят англичане.

Очередное повышение

**Москва, столица Союза Советских Социалистических Республик.
Май 1940 года**

Георгий Константинович в новеньком парадном мундире медленно пересек Красную площадь и в третий раз за последние пять минут остановился, размышляя, как себя вести.

Сегодня его впервые вызвал сам товарищ Сталин. Чего следует ожидать от встречи с ним? Повышения, опалы?

Жуков раскрыл портсигар, размял любимую папироску и закурил. «Герцеговина Флор» – все как у вождя, только тот набивает табак в трубку английской фирмы «Данхилл», а генерал предпочитает наслаждаться куревом по старинке.

...Помощник мгновенно доложил Иосифу Виссарионовичу о прибытии «героя Халкин-Гола» и, согнувшись в три погибели, как старорежимный холоп, услужливо распахнул перед генералом дверь.

– Ком... – поднеся руку к козырьку, попытался отрапортовать Жуков, но Сталин, уже шедший ему навстречу, не дал этого сделать.

– Отставить...

– Есть!

– Поздравляю с успешным выполнением задания партии и правительства.

– Служу Советскому Союзу!

– Присядьте...

– Спасибо!

– Мне вот что хотелось бы узнать, многоуважаемый Георгий Константинович... Каким вы находите сегодняшнее состояние наших вооруженных сил? Точнее, техники, находящейся у нас на вооружении...

– Я искренне горжусь нашей Рабоче-крестьянской армией, способной решать любые, самые сложные, задачи...

– Гордиться не возбраняется. Я уже выслушал победные репортажи основных героев освободительного похода на Запад. Точнее, тех, кто считает себя героями. На самом деле все оказалось не так просто. Поэтому давайте без шапкозакидательства и долгих вступлений. Начните с авиации. Какие машины проявили себя лучше во время ведения военных действий, какие – хуже...

Лоб Жукова покрылся испариной.

– Блестяще зарекомендовали себя истребители: И-15, И-16 и особенно созданные на их базе И-153, – еле выдавил он.

– «Чайка»? – продемонстрировал свою осведомленность вождь.

– Так точно!

– Хороший самолет, – Иосиф Виссарионович задумчиво погладил роскошные усы. – А что бомбардировщики? Тоже справились с боевой задачей?

– Основная нагрузка по бомбометанию легла на ТБ-3. Машина простая, надежная, но тяжеловата и поэтому не слишком поворотлива. К тому же имеет целый ряд существенных конструктивных недостатков...

– Каких же?

– Водные радиаторы, охлаждающие двигатели, постоянно текут и если вовремя не пополнять их – моторы глохнут. Поэтому приходится держать в салоне по несколько десятков бидонов с водой.

– Понял. Я сегодня же дам соответствующие указания конструкторскому бюро.

– Не поможет, товарищ Сталин. В будущих воздушных войнах в небе будут господствовать менее габаритные аппараты с более мощными двигателями, способными быстро набирать большую высоту и развивать скорость свыше трехсот километров в час.

– Хорошо. Что вы предлагаете?

– Снять ТБ с вооружения.

– Я подумаю над этим. А как наши танки?

– БТ показали себя с самой лучшей стороны. Во всяком случае, японские не могут идти с ними ни в какое сравнение. Как говорят в народе, не годятся даже в подметки.

– Спасибо, товарищ Жуков. Вы меня обнадежили... Значит, недаром ВКП(б) неустанно печется об усовершенствовании нашей боевой техники?

– Недаром, товарищ Генеральный секретарь!

Сталин поморщился. С 1934 года он именовал себя скромно – секретарем и других нацеливал на такое обращение.

Но героям прощались и не такие промахи.

– Еще раз благодарю за обстоятельный доклад, – вождь улыбнулся и поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Но это было еще не все. Самое главное, он, как всегда, приберег напоследок.

– Теперь у вас есть боевой опыт. Так что принимайте Киевский округ, товарищ Жуков.

– Есть! – словно молодой красноармеец, бодро выпалил генерал.

За пределами «колючки»

Лагерь «Проминент».

Конец августа 1942 года

Очередной визит коменданта лагеря, впервые прибывшего в его комнату в сопровождении двух вооруженных конвоиров, ничего хорошего не сулил.

«Все, капут! – подумал Михаил Иванович. – Кончилась моя песня...»

– Я с ним! – заорал верный Ковин, но один из гитлеровцев молча оттолкнул ученого в сторону.

Генерала вывели за территорию лагеря, посадили в машину и завязали глаза.

Вся жизнь в одно мгновение пробежала перед ними...

Великая Октябрьская социалистическая революция, академия, Халкин-Гол, первые дни войны, ставшей для советских людей Великой Отечественной, роковой разрыв снаряда... Сталин, Жуков, Ковин... Гудериан, Петерсон, фон Ренне, Федриготти... Отец – Иван Андреевич, мама – Наталия Дмитриевна, брат Иван, сестра Прасковья, покойная супруга – Нина Антоновна, единственный сын – Юрий...

Нет, смерти он не боялся, особенно после «ликбеза» от Тимофея Егорыча.

Просто очень хотелось дожить до победы. Доказать всем, что он не трус, не предатель...

Машина остановилась.

Пленного вывели на свежий воздух и слегка подтолкнули в спину.

Тело уперлось во что-то железное и жесткое.

– Анцих!²⁵

Потапов поднял ногу и поставил на металлическую поперечину.

«Что это? Лестница? Трап?»

– Ауфзитцен!²⁶

За миг взревели мощные двигатели, затряслось железо, в животе что-то забурлило, к горлу подступил удушающий комок, и генерал наконец-то догадался, что находится в салоне самолета.

²⁵ Анцих – поднимайтесь (нем.).

²⁶ Ауфзитцен – садитесь (нем.).

Первая встреча²⁷

«Вервольф», восточная ставка Гитлера.

Конец августа 1942 года

Яркий свет резко полоснул по глазам, с которых наконец сняли повязку.

Потапов зажмурился.

А когда все же поднял веки – чуть не обомлел!

Напротив него стоял худощавый, жилистый человек среднего роста в сером полевом кителе без знаков отличия.

Мешковатая фигура, буйный чубчик, каждый раз при очередном дергании туловища застилающий серые, водянистые глаза, лихорадочно блестящие на желтом болезненном лице, не оставляли сомнений – перед ним сам Адольф Гитлер, бесноватый фюрер.

Нагло улыбаясь, глава Рейха небрежно подал пленнику узкую, длинную, необыкновенно вялую ладонь.

Тот сделал вид, что после долгого пребывания с завязанными глазами ничего не видит, и не соизволил пожать ее.

Но даже столь дерзкое поведение генерала не смутило вождя арийской нации.

– Я должен отдать вам должное... Умелые и решительные действия пятой армии создали для нас немало проблем.

У Потапова чесались руки заехать по этой нахальной, самовлюбленной физиономии, но каким-то чудовищным усилием воли он все же сдержал себя.

И даже проямлил в ответ:

– Спасибо...

– Разрабатывая план «Барбаросса», я ставил перед своими генералами задачу армию Потапова уничтожить полностью, но вам ценой величайших потерь все же удалось отвести войска к Днепру... При этом вы цеплялись за каждое укрытие, каждый рубеж, нанося болезненные удары в ответ. Это сильно замедлило продвижение наших войск... Скажу больше, если б не ваши самоотверженные и, не побоюсь этого слова, квалифицированные действия, мы б давно взяли Москву... Впрочем, это вопрос времени и к следующему лету она все равно падет.

– Ну, это мы еще посмотрим!

– Как вы себя чувствуете, как к вам относятся, есть ли у вас какие-то пожелания? – проигнорировал его реплику фюрер.

– Все хорошо, пожеланий никаких нет.

– Мы пытаемся создать русскую освободительную армию для борьбы с большевизмом... Согласны ли вы в будущем ее возглавить?

– Нет. Я – воспитанник Коммунистической партии, вырос при Советской власти. Она дала мне образование, специальность, поэтому от вашего предложения отказываюсь.

– Напрасно вы так. Напрасно...

– «Предателя ни с чем нельзя сравнить, даже тифозная вошь оскорбилась бы в сравнении с ним». Мы, коммунисты, придерживаемся такой позиции.

– С цитатой Горького я знаком... И в целом понимаю вас. Можете быть свободны!

– Совсем?

²⁷ По версии журналиста Константина Бондарева, который услышал ее от друга Потапова, члена комитета ветеранов ВОВ Организации ветеранов Украины И.В. Зазулина (Краснодарские известия, 2007, 12 окт.) и академика НАК Казахстана Алексея Лукьянова, ссылающегося на генерал-полковника В.М. Шатилова (Мой последний выстрел: Сб. Сквозь пламя войны, Алматы: Жибек жолы, 2005).

– А вы, оказывается, наглец, Михаил Иванович. Мои люди вернут вас на прежнее место – в лагерь! – обиженно фыркнул фюрер и повернулся к гостю задом, давая ему понять, что разговор закончен.

В учении...

**Украинская ССР, Львовская область, Яворовский полигон.
Лето – осень 1940 года**

Итак, Жуков получил звание генерала армии и возглавил самый большой военный округ в СССР – Киевский особый, КОВО. После чего поручил Потапову формировать 4-й МК (механизированный корпус).

В августе – сентябре 1940 года при активном участии нового соединения были проведены крупные военные маневры, на которых отрабатывались такие задачи: «Ввод мех-корпуса в прорыв», «действия мехкорпуса в глубине оперативной обороны противника», «марш и встречный бой».

На итоговом учении 26–28 сентября 1940 года лично присутствовали новый нарком обороны, Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко и начальник Генштаба РККА Кирилл Афанасьевич Мерецков.

4-й МК блестяще выполнил все нормативы. Получивший высокие оценки руководства, Потапов был просто счастлив. И решил, как водится, отметить это дело прямо в полевых условиях.

О вкусах своего покровителя – Жукова – он знал давно. Тот любил иногда пропустить рюмочку-другую хорошего коньяку. А вот к остальным участникам банкета пришлось приспособляться на ходу.

Семен Константинович, выросший в Бессарабии, больше тяготел к сухому красному вину, ну а Мерецков никогда не изменял традиционному русскому напитку. В войсках поговаривали, что начальник Генштаба мог запросто выпить «с горла» бутылку водки. При этом пьяным его никто никогда не видел.

Потапов сумел угодить всем.

Правда, в этот раз пили немного. И недолго. За Родину, за непобедимую Красную Армию, за здоровье вождя... После чего старший по званию – маршал Тимошенко – распорядился прекратить застолье и заняться делом, то есть в узком кругу оперативно подвести неформальные итоги учений.

– Признаюсь по секрету, Михаил Иванович... Хотя тебе нет еще и сорока, корпус ты давно перерос, – начал нарком. – Пора выдвигать тебя на командующего армией...

– Так точно. Давно пора, – поддержал его Георгий Константинович. – Я лично в генерале Потапове (он улыбнулся и подморгнул земляку) не сомневаюсь. Миша не только армию потянет...

– А кого поставим на мехкорпус? – пробурчал Афанасий Кириллович, явно недовольный ранним окончанием банкета.

– Власова Андрея Андреевича, – опуская глаза, предложил Тимошенко, хорошо знавший о непопулярности в армии своего протеже.

– Вот те раз, – пожал плечами Михаил Иванович. – Только подобрал кадры, обучил их, проверил во взаимодействии, а вы меня опять в чисто поле, на пустое, так сказать, место....

– Ничего. Тяжело в учении – легко в бою, – назидательно изрек Семен Константинович. – Давайте еще по единой, – на коня – и будем расходиться.

– За будущего маршала Потапова! – обрадовался ненасытный Мерецков.

Наставления на будущее

Лагерь «Проминент».

Конец августа 1942 года

– Ну, рассказывай, где пропал? – спросил Ковин, который, по правде говоря, уже и не надеялся увидеть друга. По крайней мере – живым.

– Ты не поверишь... В Берлине! – устало обронил Потапов, заваливаясь на свое спальное место.

О существовании восточной резиденции фюрера, где ему довелось только что побывать, генерал, конечно же, не ведал. Да и хитромудрые враги основательно запутали следы, пересаживая его из автомобиля в самолет и обратно, а от «Проминента» до «Вервольфа» – всего несколько десятков километров, пешком за одни сутки добраться можно.

– И что он предлагал? – не унимался Тимофей Егорович.

– Возглавить РОА.

– Что за хрень?

– Так называемую Русскую освободительную армию, ныне спешно создаваемую для борьбы с большевизмом...

– Вот сволочь... А что ты?

– Я отказался... Все... Утомил ты меня своими расспросами, Тиша. Давай лучше подремлем – в этой клятой железяке, разваливающейся на части в каждой воздушной яме, выспаться просто невозможно.

– Нет, вы только подумайте!.. Он встречался с самим фюрером, а я должен дрыхнуть без задних ног... Ну-ка, выкладывай быстрее, как он тебе?

– А... Слабак... Так и хотелось навешать ему по-русски под оба глаза.

– Так и навешал бы. Чего стеснялся?

– Собачки рядом с ним были. И пара свирепого вида холуев. Со «шмайссеррами» наизготовку.

– Ну и что? Погибать – так с музыкой! Я бы лично им всем пасти порвал – и зверям, и людям.

– Рано нам еще на тот свет...

– А это только Господь знает, кому рано, а кому поздно. Так что, если есть возможность умереть по героически, лучше не упускать ее... Эх, Миша, Миша, какой шанс ты прошляпил... Представляешь: русский генерал набил морду самому Гитлеру! После нашей победы об этом трубили бы все газеты мира. Писатели б в очередь становились, чтобы такой замечательный сюжет в своих книгах обыграть.

– Спи лучше! Ничего героического в напрасной гибели нет. Настоящий героизм состоит в том, чтобы выполнить задачу, положив при этом врагов как можно больше, а самому остаться в живых.

– Это твоя теория. А я бы не опозорился. Улучил момент – и врезал бы по его поганой роже... Так, чтобы мозги, ежели они, конечно, имеются, сотряснулись и поняли, что воевать против русских – бесполезно. Ибо покорить нас не удастся! Мы лучше погибнем, но рабами не станем.

– Ишь, как ты запел!

– Я сам себе теперь удивляюсь...

– А ведь Советская власть с самого начала хотела сделать людей свободными, сильными, гордыми.

– Жаль, я этого не понимал. Вот закончится война, приду к товарищу Сталину, стану на колени и скажу: «Прости, Отец, заблуждался, каюсь...»

– В покаянии героики мало. Где ты раньше был, когда, к примеру, в плен тебя брали? Почему тогда смелость свою не демонстрировал?

– О, это долгая история...

– У нас с тобой времени – целый вагон. Так что – давай... Не тяни... Облегчи душу.

– А тебе что, спать уже расхотелось?

– Да ради такого случая я еще сутки глаз не сомкну!

Игры патриотов

Москва, столица СССР.

Конец 1940-го – начало 1941 года

Накануне нового, 1941 года высшее руководство Страны Советов затеяло очередные военные игры. Пока только штабные, виртуальные, хотя такого слова тогда еще никто не знал.

Перед огромными картами несколько суток денно и ночью склонялись десятки генералов.

Одни из них – «синие» – которыми командовал Жуков, «косили» под нападающих, другие – «красные» – изображали защищающуюся сторону.

«Синие» то тут, то там легко взламывали плохо организованную оборону противника, глубоко вклиниваясь в его территорию, и в итоге нанесли «красным» сокрушительное поражение.

Свидетелями этого стали чуть ли не все члены Политбюро, приглашенные на учение в качестве наблюдателей.

Сталин не скрывал досады. И вскоре после окончания игры решил снова побеседовать тет-а-тет с командиром победителей.

– Скажите, Георгий Константинович, это Павлов²⁸ так слаб или наша система обороны в целом не выдерживает никакой критики?

– Я бы не был так категоричен. Просто все мы не учли ряд факторов, которые в конце концов и сыграли на руку потенциальному агрессору.

– Перечислите их, пожалуйста.

– Первый: внезапность удара. Второй: отсутствие серьезных оборонительных укреплений на нашей новой границе. И третий: использование противником крупных мотомехсоединений, способных решать сложные задачи в автономном режиме.

– А что же наши механизированные корпуса?

– Они закреплены за армиями и не действуют как самостоятельные боевые единицы. При внезапности удара противника связь между войсками будет нарушена, а брать на себя ответственность и предпринимать самостоятельные шаги для нанесения ударов в ответ их командование вряд ли отважится...

– То есть вы хотите сказать, что в будущей войне, которой нам, по всей видимости, уже не избежать, нападающие будут иметь колоссальное преимущество?

– Так точно! От Львова до Берлина – менее тысячи километров. При удачном стечении обстоятельств наши танки будут там уже через несколько дней. Переворот. Правительство коллаборационистов. И ход истории изменен. Но такая же перспектива имеется – теоретически – и у потенциального противника.

– Как вы думаете, сообщения разведки о том, что Гитлер вынашивает планы нападения на СССР, имеют под собой реальную почву?

– Да!

– А мы готовы к этой войне?

– Если говорить в оборонительном плане – нет. Впрочем, вы и сами все видели.

– Видел. Если у Гитлера есть такие полководцы, как вы, товарищ Жуков...

– Есть, товарищ Генеральный секретарь!

²⁸ «Красными» тогда командовал генерал Дмитрий Григорьевич Павлов, как и Георгий Константинович Жуков, Герой Советского Союза, позже названный «разгильдяем, бездарностью и предателем». Расстрелян 22 июля 1941 года.

- ...то Стране Советов несдобровать.
- Выходит, так.
- Да, кстати... Военное издательство нашего Наркомата обороны выпускает так называемую «Библиотеку командира»... Вам она знакома?
- Так точно!
- Недавно в ней вышла книга товарища Шпанова под названием «Первый удар. Повесть о будущей войне». Вы читали это произведение?
- Никак нет.
- И не удивительно. Книга была изъята из свободной продажи сразу после подписания Договора о ненападении с Германией. – Сталин хитро прищурил глаза и лихо процитировал без единой заминки: «Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух... Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной дымовой завесе и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы»... Смотрите, чтобы наши войска не попали в аналогичное положение.
- Буду стараться, товарищ Генеральный секретарь.
- А чтобы вы еще больше внимания уделяли укреплению боеспособности наших доблестных вооруженных сил, назначаю вас начальником Генерального штаба РККА.
- Есть!

Предсказание цыганки

Луцк, административный центр недавно созданной Волынской области Украинской Советской Социалистической Республики.

Февраль 1941 года

Генерал Потапов не спеша шел по древнему городу. Автомобиль он оставил далеко – на северо-западной окраине Луцка – у царских казарм, за цвет фасадов прозванных Красными. Рядом бодро чеканил шаг капитан Сидоров – высокий, за метр девяносто, офицер оперативного отдела штаба. Заодно и адъютант. Все было как обычно: многочисленные патрули отдавали честь, штатские прохожие раскланивались и растягивали рты в улыбках.

Вскоре улица Ягеллонская, бывшая в разные годы Главной и Торговой, закончится, и они окажутся в средневековом царстве. Замок Любарта, костел Петра и Павла, коллегиум иезуитов, кирха, синагога... Командарм любил бывать здесь. Особенно когда на душе скребутся кошки. Такое с ним часто случалось после смерти супруги.

Невозмутимость – невозмутимостью, но, когда грянет большое горе, и генералам приходится напрягать все внутренние силы для того, чтобы скрыть свое состояние от пристального внимания подчиненных. Красный командир ни при каких обстоятельствах не должен впадать в уныние, печалиться, сожалеть, страдать... Впрочем, не только красный.

Сейчас он подышит немного средневековым воздухом и вернется на улицу Листопадового, то бишь ноябрьского восстания, где расположился его штаб. Шофер уже наверняка отогнал туда машину...

– Слышь, красавчик, давай погадаю, – вдруг окликнула его старая цыганка в пестром длинном платье. – Все, как на духу, выложу...

– И что ждет меня – скажешь? – недоверчиво покосился генерал.

– А как же! Позолоти ручку – и получишь ответы на все свои вопросы.

– Хорошо. Позолочу. Только сначала скажи, кто я, где мои родители, жена... Кто не знает прошлого – не может знать будущего!

– В гробу твоя благоверная. И ты там будешь, если не изменишь свой дурной характер!

– Иди, иди отсюда, – оттолкнул гадалку бравый капитан Сидоров.

Та не удержалась и упала в снежный сугроб, из которого сразу стали доноситься грозные проклятья:

– Ты скоро сдохнешь, проклятый холуй! Не пройдет и полгода. А генерал окажется в казенном доме за колючей проволокой.

Потапов рассмеялся и протянул руку, чтобы помочь старухе выбраться из снежного плена, а ее уже и след простыл...

Исповедь ученого

Лагерь «Проминент».

Конец августа 1942 года

– Еще летом тридцать девятого года в Москве сформировали специальную группу из видных военных специалистов – инженеров, строителей, конструкторов, топографов – под общим руководством генерала Дмитрия Карбышева для обустройства новых границ, – тихо начал свою исповедь Тимофей Ковин. – На Западную Украину мы вошли вместе с передовыми частями Красной Армии. Расположились под Владимиром-Волынским. За ежедневной рутиной я начал быстро забывать и о конфликте в академии, и о своей ненависти к Советской власти, и о планах мести...

Как вдруг... На глаза мне случайно попала одна армейская газетенка. «Командующим пятой армией приказываю назначить генерала Потапова М.И.»...

Тут-то и вспомнились все старые обиды...

23 июня 1941 года ты должен был приехать во Владимир с инспекцией. Ох, как я ждал этого момента! Но не сложилось – сам знаешь почему... Да, кстати, твои войска держались мужественно, стойко и на отдельных участках поначалу даже переходили в контратаки. При этом некоторые, в том числе и 87-я стрелковая дивизия, к которой была прикомандирована наша команда, кое-где отбросили врага назад на десять, а то и пятнадцать километров!

Но вскоре немец пришел в себя и погнал нас без передышки на восток. Все, кто осмеливался остановиться и, зацепившись за очередной естественный оборонительный рубеж, оказать хоть какое-то сопротивление агрессору, навсегда оставались в плодородной украинской земле. Остальные никакой опасности для противника уже не представляли. Так – неорганизованная масса, сброд, стадо...

Под Харьковом мы снова оказались в окружении. Вырваться из него я пытался вместе с майором Степаном Петровичем Коноваловым и полковым комиссаром Иосифом Яковлевичем Кернесом. Последний предложил сменить командирскую форму на солдатскую. Но даже такая маскировка нам не помогла. Восемнадцатого июня мы оказались в плену. Причем Йоська почему-то проигнорировал предложенный Степой вариант отхода – однозначно менее рискованный, чем его собственный маршрут, и повел нас не на восток и даже не на север, а на юг. Подозреваю, он сознательно шел сдаваться врагу...

Поначалу немцы определили нас в обычный лагерь. Построили в одну шеренгу и приказали снять штаны. Обрезанного Кернеса первым выволокли из толпы. «ЮдаН!» Но я не растерялся и сказал:

– Отпустите его. Это мой земляк – из Калуги. А в Калуге евреи не живут.

Как ни странно, подействовало!

В знак «благодарности» Йоська сдал нас с потрохами. Где Коновалов – до сих пор не знаю. А меня как видного военспеца отправили под Винницу – в «спортивно-оздоровительный» лагерь «Проминент». Как, впрочем, и самого Кернеса, заслужившего такую милость еще какими-то, не известными мне, уступками.

А говорят, что фашисты поголовно истребляют всех евреев... Ан нет... Оказывается, и среди избранных есть более избранные, извини за тавтологию! Трухин, Боярский, Кернес, Наумов – в одном нашем лагере целый взвод собрать можно...

Война – так война!

Луцк.

Апрель 1941 года

Михаил Иванович выглянул в окно.

Новый добротный дом, в котором он поселился, изначально предназначался для польских урядников. 14 сентября 1939 года его сдали в эксплуатацию, а 17-го в Луцк вошла непобедимая Красная Армия.

В соседнем здании, где при прежней власти размещалась Земская управа, теперь находится его штаб армии. Позже эту улицу так и назовут – Штабной.

У шикарного здания с колоннами стоял новый легковой автомобиль. Возле него пританцовывал уже перешедший на летнюю форму одежды (а весна выдалась не самой теплой) старый добрый товарищ, получивший боевое крещение еще в боях на Халкин-Голе, полковник Иван Иванович Федюнинский. Между прочим – Герой Советского Союза! Войска 15-го стрелкового корпуса, которым он теперь командовал, стояли в лесах между Ковелем и Владимиром-Волынским.

Вчера по телефону они условились встретиться в 9.00. До назначенного срока еще целых полчаса...

Потапов побрился и неспешно двинул вдоль улицы, на которой вовсю цвели каштаны.

Заметив его, полковник приложил руку к козырьку и двинул навстречу строевым шагом.

– Товарищ командарм...

– Отставить, Иван Иванович... – Они обнялись. – Ну, как дела?

– Порядок!

– Что за срочность заставила тебя в такую рань?..

– Может, в кабинет пригласишь или все же докладывать на улице?

– Приглашу, дорогой друг, приглашу!

Часовой – невысокий парень с широким азиатским лицом, стоявший у дверей штаба, лихо отдал честь. Генералы инстинктивно ответили на приветствие и, не прерывая разговора, пошли дальше:

– Заходи, Ваня... Как мои хоромы?

– Да уж... Ничего не скажешь – хороши!

Дежурный офицер, находившийся внутри помещения, попытался доложить обстановку, но Потапов слушать его не стал – только отмахнулся, как от назойливой мухи, и повел друга по широкому коридору.

– Ладно устроились буржуи?

– Ладно!

– А мы их раскулачили... Не все по землянкам и палаткам, а, что скажешь?

– Скажу, что недолго нам наслаждаться этой роскошью! – грустно вздохнул Федюнинский, входя в просторный кабинет.

– Откуда такой пессимизм, Иван Иванович? Да ты присаживайся... Выпьем?

– Попозжей...

– Ну, как знаешь.

– Перебежчики меня одолевают, Миша... Это ничего, что я к тебе так, по-старому, по-панибратски?

– Как тебе не стыдно, а? Мы же вместе прошли огонь и воду!

– Я уже не раз докладывал письменно и по телефону. Теперь говорю лично, с глазу на глаз: грядет большая война.

– Не распространяй панические слухи!

– Вчера один старый антифашист с той стороны прорвался. Вплавь преодолел Буг – в такую-то погоду! И под пулями, между прочим. Одна попала ему в спину. Но он дополз. Сказал: «Война начнется ровно через два месяца» и скончался от ран...

– Так-так-так... Какое у нас сегодня число?

– Двадцать второе. День рождения Ильича... А то ты не знал?

– Извини, друг, замотался... А как местные жители? Что говорят по поводу войны? У них ведь через одного – родственники за Бугом.

– Ошибаешься – у каждого!

– Seriously?

– Серьезней не бывает. Полсела – украинцы, половина – поляки. И те, и другие ручейком текут в штаб: «Товарыш комкор, мий кум казав – скоро вийна...»

– Ты их успокаиваешь?

– Конечно...

– Что ж, война – так война! Мы ведь ничего и никого не боимся. И при случае дадим достойный отпор любому агрессору.

– Так-то оно так, только...

– Что «только», Иван Иванович?

– Новая граница не обустроена, тылы не подтянуты, с боеприпасами плохо и резервы далековато.

– Но еще есть время все исправить.

– Кто его знает...

– Я!..

Мысли о Боге

Лагерь «Проминент».

Конец ноября 1942 года

– А ты был женат? – как бы между прочим поинтересовался Потапов, затягиваясь любимым «Беломорканалом», несколько ящиков которого фашисты, раздобывшие от успехов под Сталинградом, доставили для узников Винницкого лагеря.

– Ага! – кивнул Ковин. – Было дело – вляпался по молодости.

– Дети есть?

– Нет... Да и жили мы вместе всего полгода.

– Что так мало?

– Алена все время являлась составляющей частью какого-то любовного треугольника, можно сказать, даже многоугольника. Она мнила себя великим литературным критиком и вращалась в богемных кругах среди людей, считавших семейные узы чем-то зазорным, – рудиментом, пережитком прошлого. Слова «нет» для нее не существовало. Хочу – и все тут! Тьфу, сука! – вспомнив супругу, некурящий Тимофей сплюнул и тоже потянулся к табачку. Нервно затянулся дымом, закашлялся и уже собрался выбросить едва начатую папироску, однако вовремя заметил округлившиеся глаза своего собеседника, спохватился и протянул дефицитный окурочек ему.

– А все потому, что в Бога не верила, – продолжил он виновато. – Насмотревшись на это блядство, я и сам начал волочиться за каждой юбкой... Однажды даже дрянь какую-то подхватил, то ли от нее, то ли еще от какой твари – еле вылечился. Алена за это время успела сбежать с очередным хахалем – знаменитым пролетарским поэтом...

– Бывает...

– Я страшно переживал, одно время – каюсь – даже хотел покончить жизнь самоубийством... Стихи писать начал, чтобы прославиться на весь мир и таким образом вернуть свою возлюбленную, которая, как ты, наверное, уже догадался, неровно дышала при соприкосновении с каждым встречным «гением»... А потом начал потихоньку приходить в себя и переосмысливать прошлую жизнь...

Он мечтательно закатил глаза и выразительно продекламировал:

Как жить нельзя я доказал на деле,
Гулял и пил, здоровье не берег,
Душа устала в этом брэнном теле —
Все, ухожу... И да поможет Бог!
Не горевать, не плакать вам не надо,
Заройте в землю и поставьте крест.
А ты, уставшая быть рядом,
Пополни армию невест!

– Bravo! – оценил Потапов.

– Так потихоньку и пришел к Богу, – как будто не заметив его восторга, продолжал Тимофей Егорович. – С тех пор ни одной женщины не имел.

– И нескоро поимеешь! – ехидно заверил командарм.

– Это точно, – печально согласился ученый.

– А здесь писать не пробовал?

– Пробовал. Но в неволе не могу... Сочинил только несколько антихристианских трактатов. Вот, – Ковин приподнял подстилку, набитую соломой и, достав из-под нее серую школьную тетрадку, протянул ее товарищу по несчастью.

– «Мне кажется, что идея персонифицированного бога – это антропологическая концепция, которую я не могу воспринимать всерьез. Я также не могу себе представить существование какой-либо воли или цели за пределами человеческой сферы... Науку обвиняют в подрыве нравственности, но это обвинение несправедливо. Этическое поведение человека должно основываться на сочувствии, образовании, социальных связях и потребностях, и нет нужды в какой-либо религиозной основе. Человек окажется на плохом пути, если в своих поступках будет сдерживаться лишь страхом наказания и надеждой на вознаграждение после смерти», – прочитал вслух Михаил Иванович. – Это твои перлы?

– Нет. Моего кумира и единомышленника – Альберта Эйнштейна из интервью журналу «Нью Йорк Таймс» 9 ноября 1930 года. Кстати, я читал его труды в оригинале...

– Прекрасно. Замечательно!

– Хочешь еще одну цитату? Оттуда же...

– Давай!

– «Желание, чтобы кто-то указывал им путь, любил и поддерживал, приводит людей к формированию социальных или моральных концепций о боге. Это бог провидения, который защищает, распоряжается, награждает и наказывает; бог, который, в зависимости от границ мировоззрения верующего, любит и заботится о жизни его соплеменников или всего рода человеческого, или вообще всего живого; утешает тех, кто в печали и чьи мечты не сбылись; тот, кто сохраняет души умерших. Это социальная или моральная концепция о боге», – по памяти процитировал Ковин. – Немногим удастся приподняться над богами, правда ведь?

– Тебе удалось?

– Сомневаешься?

– Нет.

– «Общим для всех этих типов является антропоморфный характер их представления о боге. Как правило, лишь немногие, исключительно одаренные люди, и исключительно высокообразованные группы людей способны приподняться заметно выше этого уровня. Но есть и третья стадия религиозного опыта, который присущ им всем, хотя и редко встречается в чистом виде: я буду называть это космическим религиозным чувством. Очень трудно пробудить это чувство в тех, у кого оно полностью отсутствует – тем более что не существует соответствующей антропоморфной концепции бога». Это не я. Это снова Эйнштейн.

– Ты полностью разделяешь его взгляды?

– Ну, не совсем... На некоторые вещи имею, как говорится, свое собственное и, между прочим, не менее авторитетное, мнение...

– В чем оно выражается?

– Альберт не верит в душу, в жизнь после смерти. А я утверждаю, что смерти нет.

– Вот как?!

– Если, конечно, рассматривать жизнь не как нечто индивидуально-абстрактное, а как глобальный вселенский процесс, частью которого мы являемся.

– Мы – это я и ты?

– Нет, все наше человечество – ничтожно малое и не самое замечательное звено в вечной эволюционной цепи.

– А ты, однако же, двуличный! – переварив полученную информацию, пришел к неожиданному выводу Потапов. – Клянешь христианство почем зря, а в стихах просишь на могилке поставить крест...

– Крест – всего лишь символ. Один из многих. Как круг, как звезда, как знак бесконечности, как свастика, если хочешь – почему бы нет?

– Значит, ты крестишься?

– Конечно. И молюсь – в отличие от своего друга Эйнштейна. Знаешь, как он ответил ребенку, спросившему его в письме, молятся ли ученые?

– Откуда?

– «Научные исследования основаны на идее, что все, что происходит, определяется законами природы, и, следовательно, это верно и для действий людей. По этой причине ученый-исследователь вряд ли будет склонен полагать, что на ход событий может оказать влияние молитва, то есть просьба, адресованная сверхъестественному существу».

– Значит, коммунисты правы, и верить в Бога не надо?

– А кто в него сейчас верит?

– Например, старшие люди... Мои родители да и твои, наверное, тоже... Или немцы... У них даже на пряжках «Гот мит унс» – «Бог с нами».

– Да, кстати, чего они сегодня такие веселые? С самого утра!

– Так ведь Рождество у них! Христос, родился, Тиша!

– Вот-вот... Не в Бога они верят – в сына Божьего. В мать его ети... А какая у Бога может быть мать? «Никто, конечно, не будет отрицать, что идея существования всемогущего, справедливого и всеблагого персонифицированного бога в состоянии дать человеку утешение, помощь и руководство, а также в силу своей простоты она доступна даже самым неразвитым умам. Но, с другой стороны, у нее есть и слабости, имеющие решающий характер, которые болезненно ощущались с самого начала истории». Снова он. Мой друг, мой кумир, мой научный наставник.

– Да... Запутал ты меня основательно.

– Чего ж тут путаться? Все предельно просто. Мой Господь – это высший разум, это – космос, бесконечная эволюция, вечная жизнь, – торжественно заключил астроном. – Все творения его – идеальны, решения выверены, точны. Каждая букашка, в том числе и человек, для чего-то нужна. Выполнит она свою жизненную миссию, Бог посмотрит и решит, что делать с ней дальше: дать возможность исправиться или уничтожить навсегда.

Если не будет награды или наказания за содеянное на Земле, каков тогда смысл нашей жизни? То-то же... Никакого! А у Всевышнего, как я, надеюсь, тебе уже доказал, все сделано с величайшим умыслом! Так что будешь себя хорошо вести – получишь вторую попытку... А не будешь – тлеть тебе в огненной геенне – пока не исправишь свои ошибки... Отсюда вывод: бояться смерти не стоит. Следует бояться несправедливой жизни, за которой непременно последует гнев Божий, кара Господня, понял?

– Так точно! – по-военному заверил командарм.

Последнее предупреждение

Луцк.

21 июня 1941 года

Потапов курил у железнодорожной насыпи, задумчиво вглядываясь вдаль. Там, на польском полигоне, прозванном местным населением танкодромом, маневрировали его бронированные машины. Как-то поведут они себя в условиях неминуемой войны?

– Товарищ командарм, Суший! – незаметно подкравшись с другой стороны полотна, отчеканил Сидоров, протягивая шефу трубку полевого телефона.

– Спасибо, Вася...

Михаил Иванович в который раз мысленно поблагодарил поляков за оставленную инфраструктуру: штаб, казармы, полигоны и, конечно же, надежную связь, о которой на остальной территории великой страны приходилось только мечтать, и бросил в микрофон:

– Слушаю.

– Здравия желаю, товарищ командарм, – завибрировал в трубе голос командира одной из лучших дивизий – 124-й – генерала Филиппа Григорьевича Сушего.

– И тебе того же.

– Докладываю... Сегодня наши разведчики обнаружили у себя в тылу группу немецких диверсантов, переодетых в форму бойцов РККА. Они закладывали мину под узкоколейку... Двоих «фрицев» мои застрелили, еще один покончил жизнь самоубийством. А одного, контуженного, взяли в плен.

– Допросить успели?

– Никак нет!

– Быстрее приводите его в чувство!

– Есть!

Потапов отдал трубку адъютанту и тихо приказал:

– Запрягай коней, Василий... Поедем в штаб.

Предупреждения о неизбежной в скором будущем войне сыпались в последнее время на него, как из рога изобилия. Несколько дней тому назад, кажется, 18 июня, снова звонил Федюнинский, лично допрашивавший немецкого фельдфебеля, бежавшего из расположения своей части сразу после того, как «по пьянке съездил по роже одному офицеру».

«22 июня в 4 часа утра наши войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы», – сообщил тот. Потапов, которому не медля доложили слова перебежчика, сказал тогда: «Напрасно бьете тревогу», но на всякий случай перебросил к границе два полка и отозвал с полигонов артиллеристов.

22-е уже завтра...

Может, не ложиться сегодня спать?

Разлука

Лагерь «Проминент».

Конец ноября 1942 года

Осенью 1942 года, словно предчувствуя неминуемый крах немецко-фашистских войск под Сталинградом, Гитлер решил держать высокопоставленных узников в более благонадежных местах, то есть на внутренних территориях Германии. Русским пленным, конечно же, об этом ничего не сказали. Их, плохо одетых и обутых, просто садили в открытые всем ветрам и морозам кузова грузовиков и увозили в неизвестном направлении.

Вот они и стали готовиться к самому худшему.

В тот день наступила очередь Ковина.

– Прощай, друг! – кричал ученый, пытаясь вырваться из толпы, гонимой конвоирами к покрытым инеем «Опель-блицам».

– До свидания!

– Увидишь товарища Сталина – передай, что я осознал свои ошибки. Его атеисты гораздо ближе к Господу, чем христиане фюрера!

– Спасибо, непременно передам! – оскалив зубы, пообещал командарм, как всегда, в своей шутиливой манере.

– И помни все, о чем мы говорили... Бог – это жизнь! Вечная и праведная. Поэтому мы с тобой еще встретимся. В той, будущей – бестелесной – жизни!

– Вот и доложишь обо всем этом на небесах товарищу Сталину. Сам. Если он, конечно, попадет вместе с нами в Божье царство! – ехидно заключил генерал так, чтобы Тимофей не смог расслышать его слова.

Накануне

Луцк.

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года

Поздним вечером Потапов собрал у себя в штабе совещание, в котором принял участие весь командный состав его армии: член Военного совета дивизионный комиссар Михаил Семенович Никишев, получивший боевую закалку еще у Жукова на Халкин-Голе, начальник штаба генерал-майор Дмитрий Сергеевич Писаревский, начальник оперативного отдела полковник Всеволод Владимирович Давыдов-Лучицкий, начальник артиллерии генерал-майор Владимир Николаевич Сотенский, начальник связи полковник Куренков, начальник разведотдела полковник Сергиенко и заместитель начальника штаба по тылу полковник Федорченко.

Не забыли пригласить и начальника управления НКВД в Волынской области Ивана Митрофановича Белоцерковского...

По-разному сложатся судьбы этих людей.

Писаревский и Никишев через несколько месяцев погибнут в бою.

Тяжело раненый Сотенский попадет в плен и лишь в самом конце войны будет застрелен офицером СС в альпийском лагере «Моосбург», где в то же время будет находиться и его нынешний командир.

Давыдов-Лучицкий возглавит дивизию.

Белоцерковский сменит уютный кабинет в управлении НКВД на должность начальника Особого отдела 5-й армии.

Судьбы лиц «поменьше» вообще не удастся отследить.

А пока...

– Сегодня днем мне звонил Суций, – начал Михаил Иванович. – Немцы совершенно обнаглели. Открыто засылают диверсантов на нашу территорию, минируют железнодорожные пути. По всему видно, войны не избежать... Какие будут предложения?

– Может, вскрыть красный пакет? – нерешительно предложил Дмитрий Сергеевич.

– Я категорически против! – резко запротестовал Иван Митрофанович.

В свои тридцать четыре он успел немало. И депутатом Верховного Совета Украины стать, и репрессии против населения на «освобожденных» землях организовать. За что многие боевые офицеры его откровенно недолюбливали. Впрочем, так к «молодым и ранним» относятся на Руси не только в армии.

– Да срать я хотел на этот пакет, – неожиданно согласился с Белоцерковским полковник Лучицкий. – И что в нем может быть полезного для нас – кадровых военных – я, честно говоря, не знаю... Так, общие рекомендации... Выдвинуться, усилить, занять... Согласитесь, обстановку на местах все здесь присутствующие знают лучше столичных кабинетных стратегов!

– Точно! – кивнул подбородком Потапов.

В это время раздался стук в дверь.

– Да-да, входите!

– Товарищ, командарм, разрешите? – дежурный офицер сделал несколько строевых шагов и протянул ему белый листок с пометкой «Срочно».

– Спасибо. Вы свободны.

– Есть!

– Директива номер один, – прочитал вслух Потапов и замолчал, пораженный содержанием телеграфного сообщения:

а) в течение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.06.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городков и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенкоу Жуков.

Ниже уровня моря

Германия, Нижняя Франкия, офицерский лагерь Хаммельбург.

Начало декабря 1942 года

В конце 1942 года большинство советских генералов фашисты опустили, как образно заметил Потапов, «ниже уровня моря».

Конечно, если рассматривать фразу в прямом смысле, то это было явным преувеличением, ибо на самом деле неподалеку от Хаммельбурга, где собрали плененную элиту РККА, к числу которой принадлежал и наш герой, находилась всего лишь самая низкая точка земли Бавария, на целых сто семь метров возвышающаяся над уровнем Мирового океана. А вот в переносном...

Условия в лагере и в самом деле оставляли, мягко говоря, желать лучшего. Высокопоставленные узники часто с ужасом вспоминали так и не дождавшегося медицинской помощи генерал-майора Михаила Тимофеевича Романова, умершего от ран еще в 1941-м, и генерал-лейтенанта Филиппа Афанасьевича Ершакова, не вынесшего унижений и побоев летом 1942 года...

Остальные пока держались. Скрипя зубами. Через силу. Собрав в кулак остатки некогда железной воли.

И только неунывающий Потапов никогда не падал духом, даже когда в Хаммельбурге начиналась очередные эпидемии. То тифа, то туберкулеза.

Бывший командующий 6-й армией РККА генерал-лейтенант Иван Николаевич Музыченко, еще до плена слывший в Красной Армии весельчаком и мастером острого словца (вот они – ростовские корни!), старался не отставать от своего старого друга.

Теперь они проводили вместе чуть ли не все свободное время, вспоминали первые дни войны, анализировали причины военных неудач.

– Вот, скажи мне, Михаил Иванович, почему так получилось? Вроде и готовы были на все сто ко всяким неожиданностям, а погнал нас немец – только дорога курила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.